стяжатель» Вассиан Патрикеев, Матвей Башкин и еретики 50—60-х годов XVI в. Все эти лица с разных позиций подвергали критике положение церкви в государстве. В обличении собора 1553 г. на ересь Башкина говорится, что еретики «на седмь вселенских святых съборов гръдость възлагают, глаголюще, яко все себя для писали, чтоб им всем владети, и царским, и святительским».[53] «Нестяжатель» Вассиан Патрикеев в первой четверти XVI в. резко выступил против имущественных прав монастырей. В своей Кормчей он пытался устранить найденное им противоречие между духом священного писания и существующими церковными законами, основывавшимися на деятельности вселенских соборов и «градских законах» византийских императоров. Иван Волк Курицын в конце XV в. в своей Кормчей выразил очевидное несогласие с вероучительной деятельностью семи вселенских соборов, являвшейся основанием компромисса воинствующей церкви и государства. Архиепископ Геннадий, обращаясь к собору епископов, в 1490 г. писал: «А однова въсхотят собору быти о вере, и вы бы на то не дрьзнули: занеже изложена нам православнаа вера на прьвом соборе, да и на втором, о святем дусе, да и прочии собори вси прьвому собору последовали, а на седмом соборе запечатлели, еже в троици единаго бога славити научиша, таже единаго от троица, бога же и человека, сугубо естеством, а не составом; тем же совръшена того бога и совръшена человека воистину проповедающе, исповедаем Христа бога нашего».[54] Обличая учение новгородских еретиков, отрицавших троичность бога и поклонение иконам, Геннадий обращается к авторитету семи вселенских соборов. Соборный приговор 1504 г., обвинявший еретиков вместо «глаголании хулы» уже в «неверии в бога» и в «похулении седьми вселенских соборов», отражал не только непримиримость духовенства, добивавшегося сожжения отступников. Второе и третье анафематствования, как это можно предполагать, не просто усиливали обвинение по сравнению с первым анафематствованием, а, может быть, отражали тот факт, что московские еретики в своих требованиях шли гораздо дальше новгородских еретиков. Вероятно, что нападки новгородских еретиков на семь соборов ограничивались опровержением догмата о троице и законодательства против иконоборцев.[55] Московские еретики могли усилить критику решений семи вселенских соборов, отрицая право церкви на прочный союз с государством и «святоотеческие» законодательства,[56] на основе которых духовенство «гордость на себя возлагало» и владело всем: «и царским, и святительским». Отличие ереси Алексея протопопа от ереси Федора Курицына знали и в XVII в., несмотря на то что версия «Просветителя» и третьего анафематствования была господствующей в течение всего XVI и первой четверти XVII в. В синодиках XVII в. уже не встречается первого и третьего анафематствований, только в списках XVII в. появляется второе анафематствование, восходящее непосредственно к соборному

[53] АИ, СПб., 1841, т. 1, № 161.

[54] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения..., Приложение, стр. 381.

[55] Чернец Захар «всю седьмь вселенских соборов святых отец похули» на соборе 1490 г. Из содержания допроса его на соборе митрополитом Зосимой можно понять, что речь шла об отрицании Захаром божественности Христа и поклонения иконам. Похуление семи соборов еще не ставилось новгородским еретикам в вину в Соборном приговоре 1490 г. (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения..., Приложение, стр. 385).

[56] Как предполагает Я. С. Лурье, московские еретики могли отрицать всю патристическую литературу и «предание», т. е. вероучительную традицию, сложившуюся после сформирования христианской церкви, в период деятельности первых вселенских соборов (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения..., стр. 159—163; Приложение, стр. 391—414).